

Lyubov A. Feoktistova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Revisiting the Paronymic Attraction to a Personal Name: the Name *Elena* in Russian Dialects

Voprosy onomastiki, 2019, Vol. 16, Issue 1, pp. 53–70

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.1.004

Language of the article: Russian

Феоктистова Любовь Александровна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Еще раз о паронимической аттракции к личному имени (на примере имени *Елена* в русских народных говорах)

Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 1. С. 53–70

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.1.004

Язык статьи: русский

ЕЩЕ РАЗ О ПАРОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ К ЛИЧНОМУ ИМЕНИ (на примере имени *Елена* в русских народных говорах)*

Объектом анализа в статье стали русские диалектизмы, являющиеся полными омонимами женского имени *Елена* или его производных (*Алёна, Алёнка, Еленка, Лена, Ленка*) и образующие вместе с ними единое морфосемантическое поле. Автором предпринята попытка классификации генетически различных видов омонимии имени собственного и имени нарицательного на материале входящих в данное поле лексем. Особое внимание уделяется случаям взаимного притяжения дериватов имени *Елена* и неродственных им нарицательных слов. В зависимости от направления морфонологических сближений предлагается различать следующие виды онимо-апеллятивных корреляций и взаимодействий: 1) апеллятивизация (как таковая и при аттракции к созвучному нарицательному слову); 2) квазиапеллятивизация личного имени (при случайном совпадении с апеллятивной основой либо при аттракции к ней, но в любом случае при смысловой поддержке соответствующей отантропонимической модели номинации); 3) квазионимизация апеллятива (замена исходного апеллятива фонетически близким именем, слабо мотивированная семантически). Анализируемый материал распределяется по тематическим сферам, что позволяет верифицировать предлагаемые этимологии (с опорой на семантические параллели), а также выявить наличие / отсутствие зависимости между паронимической аттракцией к личному имени и лексическим значением апеллятива. Апеллятивизация

---

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/4.6 («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

затрагивает сферу человека и живой природы, но здесь же имеет место и квазиапеллятивизация; соответственно, квазионимизация распространяется прежде всего на сферу неживой природы и предметного мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антропоним, личное имя, апеллятивизация личного имени, квазиапеллятивизация, квазионимизация, отантропонимическая модель номинации, паронимическая аттракция, морфосемантическое поле, народная этимология, русские народные говоры.

В настоящей статье речь пойдет о диалектизмах, которые совпадают по форме с русским женским именем *Елена* и его производными (*Алёна*, *Алёнка*, *Еленка*, *Лена*, *Ленка* и др.¹). В отличие от некоторых других имен (таких, например, как *Иван* или *Мария*), рассматриваемое имя малопродуктивно как источник семантико-словообразовательной деривации: деривационно-фразеологическое гнездо² имени *Елена* насчитывает не более 20 лексем (лексико-семантических вариантов слова, включая дериваты второй и следующих ступеней). Среди них есть такие, которые содержат отсылку к какому-либо компоненту семантики антропонима³: денотативному (указание на того или иного носителя имени — перм. *олёна питиха* ‘полная женщина’: «Сестра была чистая олёна питиха» [СПГ, 2, 42]) и/или сигнификативному (обозначение человека вообще — ср.-урал., челяб. *грязная алёна* ‘неряшливая женщина’ [СРГСУ, 1, 128; СРНГ, 7, 190])⁴. Однако больше тех, что полностью или частично возникли под действием паронимической аттракции к личному имени различных апеллятивов, и на примере этих (квази)деантропонимов представляется возможным рассмотреть отдельные виды подобного рода сближений (не претендуя, разумеется, на полноту и исчерпанность самого их перечня).

¹ В «Словаре народных форм русских имен» А. В. Суперанской данные варианты и производные формы соотносятся с разными именами, не только *Елена*: *Алёна* также от *Александра*, *Алла*; *Алёнка* от *Алевтина*, *Александра*, *Алла*, *Ольга*; *Олёна* и *Олёнка* от *Ольга*; *Лена* от *Леонида*, *Леонука* [Суперанская, 49, 166, 167, 228]. Однако в рамках предпринятого исследования указанные имена, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в составе словообразовательного гнезда имени *Елена*, с учетом частотности данного имени, а также варьирования перечисленных выше форм в диалектной лексике (см., к примеру, далее сиб. *еленка* и *алёнка* ‘комнатное растение барвинок малый, *Vincetoxicum L.*’ [ПССГ, 1, 26]).

² Данным термином обозначается «семантико-деривационный комплекс, в который входят лексемы, возникшие в результате собственно семантической и семантико-словообразовательной деривации на основе вершинного слова, а также фразеологизмы с его участием» [Березович, 2014, 14].

³ О структуре значения личного имени и возможной проекции на нее ассоциативно-деривационной семантики апеллятивных производных антропонима см. [Феоктистова, 2016].

⁴ Во втором случае также не исключена отпрецедентная номинация, ср.: костр. *как немытая Орина* (*Орина немытая*) ‘о грязном, неопрятном человеке’: «Ну, говорят, как немытая Орина, всё время как Орина немытая. Была женщина такая грязная, она на речку не ходила, худо умывалась, как, говорят, Орина немытая» [ЛКТЭ].

1. Постановка вопроса

Апеллятивы, тождественные по своему фонемному составу личным именам, можно расценивать как омонимичные формы независимо от их природы (по крайней мере, на доэтимологической стадии анализа). С учетом же происхождения подобную омонимию (как и любую другую) следует разделить на два вида — гомогенную и гетерогенную. О гомогенной омонимии можно говорить тогда, когда апеллатив образуется от антропонима в результате семантической деривации, т. е. имеет место апеллятивизация имени как таковая. Соответственно, гетерогенный характер омонимия будет носить в следующих случаях.

1. Имя становится нарицательным при его народноэтимологической реинтерпретации путем соотнесения с созвучным апеллятивом. См. примеры И. В. Родионовой [2007, 197–198]: новг., твер., влг. *емеля* ‘празднослов, пустомяля, пустослов’ и др. (разрядка наша. — Л. Ф.; ср. поговорку *Не мели, Емеля, не твоя неделя*), урал. *акулина*, *окуля*, нижегор. *окулька* ‘о неопрятной женщине’ при аттракции к дериватам корня **kul-* — ср. сев.-рус. *кулёма* ‘неряха’ и под.

Т. А. Гридина отмечает, что в подобных случаях формальной народноэтимологической мотивации интерпретируемой лексеме — личному имени — приписываются компоненты значения формального мотиватора — имени нарицательного. Это способствует созданию устойчивых коннотаций вокруг имени, сообщает ему характерологическую функцию и делает возможным использование его в апеллятивном значении [см.: Гридина, 1989, 21–22]⁵.

2. Апеллятив образуется независимо от антропонима (омонимия как таковая) — см., например, дон. *варюха* ‘брага’ [БТСДК, 66], суффиксальное производное от корня *вар-*⁶, — или при паронимической аттракции к личному имени — см. примеры И. В. Родионовой: брян. *дуська* ‘дуст’, дон. *кондрат* ‘договор’ (искаж. *контракт*), перм. *митрофан* ‘магнитофон’ [Родионова, 2007, 197]⁷. В обоих случаях может иметь место обратный апеллятивизации процесс, а именно частичная онимизация апеллятива, или квазионимизация, без изменения его категориальной принадлежности к разряду имен нарицательных.

Эта квазионимизация также служит примером формальной народноэтимологической мотивации, где в роли формального мотиватора выступает имя собственное, а интерпретируемым словом (по выражению Т. А. Гридиной,

⁵ См. также классификацию различных типов народной этимологии В. Ченьковского (сокращенный перевод представлен в [Гридина, Ченьковский, 2004]).

⁶ Ср. повсеместно распространенное в тех же говорах *варенуха* ‘пьяный напиток из сухих ягод’, а также *варёха* ‘самогон’ [БТСДК, 67].

⁷ Об этом же фактически пишет и Д. В. Спиридонов на диалектном материале французского языка, ср.: *Jean Dépeigne* ‘утесник’ при *jan* ‘колючее растение утесник, *Ulex Eurogaeus* L.’, по форме совпадающем с антропонимом *Jean* (Жан); *guillaume* ‘сопли, вызванные использованием нюхательного табака’, возникшее при сближении имени *Guillaume* с глаголом *guiler* ‘течь с силой, исторгаться, идти (о ливне)’ [Спиридонов, 2011, 37–38].

«лексемой-прототипом») — имя нарицательное. Т. А. Гридина считает, что имя собственное, в особенности личное, чрезвычайно удобно для использования в роли формального мотиватора благодаря своей номинативной универсальности (может называть объекты самого разного рода) и «специфической языковой ориентации на обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам» [см.: Гридина, 1989, 18]. «Чисто внешний характер уподобления имени нарицательного (ИН) и ИС (имени собственного. — Л. Ф.) определяет участие таких сближений в процессах фонетического освоения слов при заимствовании их литературным языком, и в особенности говорями. При этом немотивированное ИН полностью ассимилируется созвучному (знакомому) ИС, чему нередко способствуют закономерные фонетические изменения слова-прототипа» [Там же].

Особый случай языковой рефлексии диалектоносителей над фактом квазиноминизации представляет брян., ср.-обск. *тюха* ‘о бестолковом, глуповатом, несообразительном человеке’, которое образовано от брян., смол. *тюхать* ‘медленно, не торопясь идти, ехать’. Сближению с уменьшительной формой какого-то частотного личного имени⁸ способствует употребление лексемы *тюха* в составе парных сочетаний: *тюха (да) матюха*, *тюха (да) пантюха*. В функции контекстных партнеров слова *тюха* выступают деантропонимы или омонимичные диминутивам личных имен апеллятивы — *матюха* (*ма-тюха* или от *Матюха* < *Матвей*), *пантюх(а)* (согласно Ж. Ж. Варбот [2011], от вят. *пантá* ‘о бестолковом, беспамятном человеке’ при аттракции к *Пантюха* < *Пантелеймон*). Создание неточной «копии» к *тюха* и построение рифмованного сочетания — *тюха-матюха*, — а также варьирование компонентов данного сочетания — *тюха-пантюха* — можно рассматривать как попытки народной этимологизации лексемы *тюха* через соотнесение с диминутивами известных диалектоносителям имен: *тюха — *матюха* (< *Матюха*), *тюха — *пантюха* (< *Пантюха*) и т. д. [подробнее см.: Феоктистова, 2018].

Аттракция апеллятива к какому-либо имени нередко получает смысловую поддержку со стороны существующих в языке возможностей отыменной деривации в тех или иных предметных (тематических) сферах нарицательной лексики [см. об этом также: Гридина, 1989, 20; Родионова, 2005; 2007, 197–198]. Если взять тот же пример с *тюха* (-*матюха*, -*пантюха*), то следует отметить закономерность сближения лексем отапеллятивного происхождения с омонимичными диминутивами, имея в виду продуктивную отыменную модель номинации человека: ср., например, арх., бурят. рус., забайк. *фомка* и *ерёмка* ‘о случайно собравшихся людях, которые берутся что-либо делать сообща, но делают неумело’ [КСГРС;

⁸ *Тюха* может быть произведено от *Автюха* < *Автоном*; *Евстюха* < *Евстафий* / *Евстигней*; *Матюха* < *Матвей*; *Устюха* < *Устин* / *Устина*; *Христюха* < *Христина* и др. [Суперанская, 319].

СРГС, 5, 194; ФСРГС, 208]; перм. *ишиша да агаиша, третья* — *палаиша* ‘мало-почитаемые люди’ [СПГ, 2, 554].

Таким образом, при наличии комплексной мотивации бывает трудно однозначно установить природу омонимии нарицательных слов и личных имен. Это в очередной раз наводит на размышления о градуальности понятий «оним» / «апеллятив» уже не только с точки зрения их семантики и функций (о чем вслед за В. Н. Топоровым писала С. М. Толстая [2005]), но и с учетом сложного онимо-апеллятивного генезиса отдельных языковых фактов. Ср. высказывание Т. А. Гридиной: «В НЭ-сближениях (народноэтимологических сближениях. — Л. Ф.) рассматриваемой разновидности отчетливо проявляется сложный характер взаимодействия классов ИН и ИС, грань между которыми оказывается очень подвижной и которые в процессах формальной мотивации обнаруживают тенденцию к взаимопереходности» [Гридина, 1989, 21]. В практике этимологических исследований, которые нередко имеют этнолингвистическую «подоплеку» и ставят целью выяснить — сквозь призму семантики и мотивации (квази)деантропонимов — семантико-деривационный потенциал и коннотации исходного личного имени, учет этого обстоятельства приводит к необходимости анализа лексических единиц, имеющих смешанное происхождение, в рамках морфосемантического поля [см. примеры такого рода исследований: Березович, 2007; Родионова, 2007; Спиридонов, 2011].

2. Денотативные области «иррадиации» личного имени *Елена* в апеллятивной лексике

Апеллятивы рассматриваются нами с точки зрения их возможного происхождения от антропонима, поэтому методика их анализа в первую очередь учитывает семантико-деривационный потенциал личного имени (какого-либо конкретного или имени как такового), реализуемый в различных предметных сферах. Тем самым задается логика подачи материала в соответствии с принципом его идеографической классификации: «Человек», «Живая природа», «Неживая природа», «Материальная культура» (в данном случае порядок следования рубрик определяется степенью близости к семантике антропонима).

Тематический принцип организации материала позволяет, на наш взгляд, не только верифицировать предлагаемые этимологии, но и выявить наличие / отсутствие зависимости между паронимической аттракцией к личному имени и лексическим значением апеллятива.

Человек

Для лексемы *олёнка* в составе перм. *не олёнку в пелёнках оставить* ‘об отсутствии обременяющих обстоятельств: не о чем тревожиться, переживать, сожалеть’

[СПГ, 2, 51–52] можно восстановить значение ‘ребенок’ («Тоньки-то втору неделю нету дома. Ну дак чё ей, она не олёнку в пелёнках оставила»; «Ничего, баба, хоть и не вернёшься к мужику обратно, не переживай: не олёнку в пелёнках оставила»). Ср. влг. *иван* ‘именование ребенка мужского пола до крещения’ («Матрёна родила Ивана») [ОСВГ, 4, 211], которое, вне всякого сомнения, образовано от соответствующего личного имени и подтверждает вероятность подобного развития семантики антропонима. Следовательно, вопрос в том, каковы причины выбора того или иного имени в качестве производящей основы. В случае с перм. *не олёнку в пелёнках оставить* влияние могли оказать два фактора: во-первых, притяжение к слову *пелёнка*; во-вторых, прагматика имени, определяющая выбор уменьшительной формы, которая традиционно употребляется по отношению к детям.

И. В. Родионова отмечает раритетность подобного рода номинаций [Родионова, 2007, 200–201]. В собранном ею материале (а это более чем 2 500 диалектных деантропонимов) нашлось только пять обозначений ребенка, из них ни одно не может быть напрямую соотнесено с омонимичным личным именем, см.:

— диал. (шир. распр.) и прост. *гаврик* (чаще мн.) ‘о ребенке’, ср. продолжения праслав. **gavěd-* и **gavezъ / *gavežъ*: вят., тул. *гáведа* ‘гады: лягушки, ящерицы и под.; насекомые’, новг. *гáведь, гаведя́та* ‘маленькие дети’; *гáвеза* ‘множество одинаковых существ, предметов: детей в семье, птиц во дворе и т. д.’ и под.;

— яросл. *додón* ‘ребенок, сосущий грудь’ при наличии *додóнить, дудóнить* ‘сосать грудь’;

— калуж. *катерёнок* ‘маленький мальчик’ и ‘маленький цыпленок’; в других областях лексема *катя* широко используется в подзывных словах к курам (ср.-урал.), козам, овцам и пр. (т. е. обозначение ребенка является вторичным по отношению к обозначению детеныша животного);

— перм. *мирón* ‘ребенок, рожденный вне брака’, ср. ворон., дон., курган., новосиб. *мир* ‘народ, люди’;

— юж.-урал. *петря́й* ‘мальчик на побегушках’, ср. юж.-урал. *петря́йка, петря́юшка* ‘о мужчине’.

Еще одну модель отантропонимической номинации репрезентирует пск. *лена* ‘лентяйка’ [СРНГ, 16, 351], которое можно рассматривать как «феминитив» к *лень* при аттракции к омонимичному женскому имени, ср. перм. (бран.) *лень* *всесветная* ‘о лентяе, бездельнике’ [Там же, 357]. Данная модель несколько более продуктивна по сравнению с предыдущей, см. выше *тюха* (-*матюха, -пантюха*), а также приводимые И. В. Родионовой примеры — сиб. *аноху* *аношить* ‘бездельничать, валять дурака’, перм. *ванька ветров* ‘праздношатающийся, бездельник’, яросл. *как додон ходить* ‘о неповоротливом и ленивом человеке’, перм. *как кирило* ‘о ленивом человеке’, читин. *филоня на филоне едет* ‘о ленивых людях’ (от *Филимон*) [Родионова, 2005, 165]. И. В. Родионова указывает на экспрессивность отантропонимической номинации, усиливающей отрицательную оценку человека по какому-либо параметру (не только с точки

зрения отношения к труду, но и с точки зрения внешнего вида, умственных способностей и пр.) [Родионова, 2005, 176].

Ж и в а я п р и р о д а

В южнорусских говорах засвидетельствованы обозначения нескольких насекомых: 'майский жук, *Melolonta*' — брян., калуж., ряз. *алёнка* [СБГ, 1, 16–17; СРНГ, 1, 234], юж. *олёнка* [СРНГ, 23, 184]; 'жук-рогач, *Lucanidae*' — орл. *алёна* [СРНГ, 1, 234]; 'божья коровка (*Coccinella septempunctata*)' и 'яблонная плодожорка, *Carposarsa pomonella*' — дон. *алёнка* [СРДГ, 1, 3–4]. Этимологию «подсказывает» другое наименование жука-рогача — *жук-олень*. Оба названия — *жук-рогач* и *жук-олень* — указывают на наиболее яркий внешний признак насекомых — расположенные на голове мандибулы (видоизмененные верхние челюсти, «рога»), которые у самцов развиты намного больше, чем у самок (см. рис. 1). Обращает на себя внимание также то, что усики самца майского жука, который относится к другому семейству, чем жук-рогач, имеют крупную, сильно изогнутую булаву, состоящую из семи одинаковых пластинок (см. рис. 2).

Рис. 1. Самец жука-оленя

Рис. 2. Самец майского жука

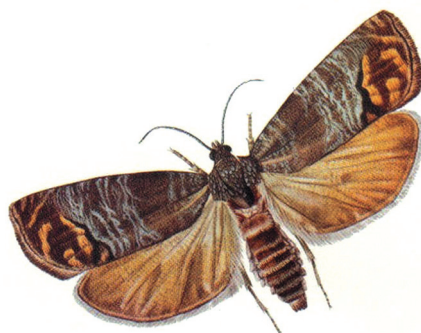

Рис. 3. Яблонная плодожорка

Аттракцию названия *жук-олень* к личному имени *Алёна* (*Олёна*) в рамках продуктивной отантропонимической модели номинации насекомых предполагает

Ю. А. Кривошапова [2007, 73]. В ее кандидатской диссертации «Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении» дан подробный анализ репрезентантов этой модели [Там же, 92–97]. Среди них автор исследования выделяет деантропонимы трех видов:

а) прецедентные, восходящие не собственно к личным именам, а к их производным — мифонимам или хрононимам. Наиболее яркие примеры здесь — курск. *иванчик* ‘божья коровка’, новг. *петрушка* ‘то же’ и под., которые связаны с именами героев солярного мифа (со ссылкой на О. А. Терновскую, В. Н. Топорова и др.). См. также пск. *егорик* ‘вид бабочки’ [ПОС, 10, 108] (в день св. Георгия и на Покров запрещалось уничтожать насекомых, ср. «В Егорий вешний и в Покров не бей никого, увидала букарашку — не бей») [НОС, 1, 98];

б) непрецедентные, т. е. производные от «невоплощенного» личного имени (имени как такового, вне связи с каким-либо его носителем): кроме названий божьей коровки типа оренб. *васька*, тамб. *timoшка* (которые могли возникнуть под влиянием слов типа курск. *иванчик*), сюда относится только арх. *глёбка* ‘бабочка (?)’ (возможно, искаж. арх., влг., карел. рус., новг. и др. *липка* ‘бабочка, мотылек’);

в) «псевдоантропонимы» (термин Ю. А. Кривошаповой), возникшие в результате сближения того или иного энтомосемизма с созвучным ему личным именем: арх. *павел* и под. — из *па(в)ук* (со ссылкой на М. Фасмера); пск. *макар* — из *комар*; свердл. *митя* ‘бабочка’ — из диал. шир. распр. *метелёк* и под. ‘то же’.

Данный перечень энтомосемизмов, созвучных личным именам, свидетельствует, на наш взгляд, скорее не о наличии продуктивной модели отантропонимической номинации насекомых, а о тенденции к народноэтимологическому сближению с личными именами в этой сфере.

В случае обозначения квазидеантропонимами *алёна*, *алёнка* иных, чем жук-рогач, насекомых закономерен метонимический перенос с названия одного насекомого на другое. Согласно Ю. А. Кривошаповой, именно майский жук, божья коровка и бабочка наиболее часто становятся объектами отыменной номинации [Кривошапова, 2007, 93]. Для этих энтомосемизмов также не исключена народная этимология при аттракции к прил. *алый*, *аленький*. Об этом пишет Ю. А. Кривошапова [Там же] применительно к наименованию майского жука, но данное предположение можно отнести и к названиям божьей коровки и яблонной плодожорки. Все эти насекомые имеют красно-коричневую окраску (см. рис. 1–3), на что указывается и в некоторых контекстах: «Алёнка жучок, женихи их рыжеватые, а головка красненькая...» [СБГ, 1, 16–17]; «Алёнка — это кизявочка бойкая, бывает серая и красная. Про неё дети поют: “Алёнка, алёнка, полети, полети на небо, там твои детки сидят у сапетки”» [СРДГ, 1, 3–4].

Сходный механизм номинации — под действием притяжения к прил. *алый*, *аленький* — можно предположить и для фитонимов, см. сиб. *алёнка*, *еленка* ‘комнатное растение барвинок малый, *Vinca minor* L.’: «Ирани росли, алёнка синенька

растет, невеста есть, но не цветёт»; «Мама сиренью звала, а час алёнка почто-то»; «Ну и еленка и мокрый ванька, кто как <назовёт>» [ПССГ, 1, 26]. Хотя в контексте говорится о синих цветах, отдельные виды этого растения действительно имеют соцветия того или иного оттенка красного цвета.

Способность растений цвести и плодоносить становится «естественным маркером “женственности”» [Колосова, 2009, 76], поэтому наряду с расхожим уподоблением цветку женщины (что находит отражение в том числе и в антропонимии, см. женские имена *Виола*, *Лилия*, *Роза* и под.)⁹ возможен и обратный переход — причем не только в номинации, но и в сфере верований («алёнка синенька растет, невеста есть, но не цветёт (разрядка моя. — Л. Ф.)») и различных обрядовых практик. В монографии В. Б. Колосовой «Лексика и символика славянской народной ботаники» (цитата из нее была приведена выше) рассматриваются многочисленные примеры фитонимов, которые совпадают по своей форме с личными именами и, различаясь мотивационно, как и энтомосемизмы, представляют какой-либо один из трех типов мотивации [см.: Там же, 86–96]:

а) прецедентные (т. е. образованные от соотносящихся с личным именем мифонимов, агионимов или хрононимов): диал. шир. распр. *иван-да-марья* ‘марьяник дубравный, *Melampyrum nemorosum* L.’, ‘фиалка трехцветная, *Viola tricolor* L.’; ср.-урал. *иван головастый* ‘чистец болотный, *Stachys palustris*’; енис., вост.-сиб. *аграфена-купальница* ‘лечебная трава, *Ranunculus acris* L.’ и ‘день 23 июня (по ст. ст.), с которого начинают купаться и собирать лекарственные травы’;

б) unprecedentedные: ср.-приоб. *авдотки* ‘купальница азиатская, *Trollius asiaticus* L.’, курск. *акулька* ‘шлемник копьелистный, *Scutellaria hastifolia* L.’ и др.;

в) возникшие при аттракции какого-либо фитонима к личному имени: яросл. *онисим* ‘анис’, ср.-приоб. *аверьянка* ‘валериана лекарственная, *Valeriana officinalis* L.’, ср.-урал. *дунька-медунка* ‘медуница мягкая, *Pulmonaria molissima*’.

Сиб. *алёнка*, таким образом, реализует несколько иной тип мотивации, основанной на сближении не с имеющимся уже названием растения, а с лексемой, предположительно указывающей на одно из свойств реалии, положенных в основу названия. Фитоним *еленка* следует тогда рассматривать как номинативный дублет, возникший вследствие вариативности производящей основы — личного имени, представленного несколькими формами.

⁹ Ср. у В. Шимборской в стихотворении «Nic dwa razy»: «Wczoraj, kiedy twoje imię / ktoś wymówił przy mnie głośno, / tak mi było, jakby róża / przez otwarte wpadła okno. / Dziś, kiedy jesteśmy razem, / odwróciłam twarz ku ścianie. / Róża? Jak wygląda róża? / Czy to kwiat? A może kamień?» <Вчера, когда твое имя кто-то громко произнес при мне, так мне было, как будто бы роза через открытое упала окно. Сегодня, когда мы вместе, я отвернула лицо к стене. Роза? Как выглядит роза? Это цветок или, может, камень?>.

Однако сибирские диалектизмы дают возможность и для иных трактовок, что указывает на комплексный характер их мотивации. Фитонимы *алёнка* и *еленка* можно также рассматривать как беспрецедентные наименования, свидетельствующие только об антропоморфном восприятии растений и о восприятии барвинка малого как растения «женского». В то же время нельзя исключать, что данные фитонимы замещают собой какую-то иную отантропонимическую номинацию растения в рамках достаточно продуктивной ономазиологической модели — и в этом смысле их можно считать прецедентными наименованиями. В обоих случаях форма *еленка* также, скорее всего, вторична по отношению к народной форме *алёнка*.

В рамках версии об аттракции фитонимов к прил. *алый*, *аленький* и учитывая их возможную прецедентность, можно допустить еще один вариант их интерпретации. Ср. названия сортов различных декоративных растений «алого» цвета: «*Алёна F1*» (пеларгония), «*Алёнка*» (бегония), «*Алёнушка*» и, возможно, «*Еленка*» (флокс метельчатый), — и собственно «*Аленький цветочек*» (тот же флокс). Одно из таких искусственных наименований (не исключено, что отсылающее к одноименной сказке С. Т. Аксакова) могло стать нарицательным обозначением барвинка малого в народных говорах. С этой точки зрения примечательно сообщение диалектоносителя о том, что это «современное» наименование растения: «Мама сиренью звала, а счас алёнка почто-то».

Не живая природа

Для карел. рус. *лена* ‘каменистая отмель продолговатой формы’ С. А. Мызников предполагает связь с фин. *lannas* ‘пологий низкий берег’, которое, в свою очередь, заимствовано из скандинавских языков, ср. *land* ‘суша в противоположность водному пространству’ [Мызников, 2003, 252]. Вместе с данным географическим термином автор приводит также твер. *лена* ‘вода’ (запись 1820 г.) (не объясняя, правда, их связи) и отвергает предложенное Б. Кальманом сравнение с галльским *rinos, renos* ‘вода’.

Материальная культура

Нарицательная лексика, возникшая в ходе аттракции к имени *Елена*, весьма разнообразна и распределяется по нескольким предметным сферам: «Пища», «Обувь», «Игры» и (условно) «Декоративное искусство».

В русских говорах Мордовии записано *олёнка* ‘похlebка из вареного картофеля с луком и растительным маслом’ [СРГМ, 2, 723], которое логично сопоставить с *олэй* костр., юж., зап., брян. и др. ‘растительное масло’, смол., пск. ‘конопляное масло’ [СРНГ, 23, 183].

От лексемы *олень*, скорее всего, производны *олёнки* карел. рус. ‘домашние туфли из оленьего меха’ и мурм. ‘игральные кости (?)’ («Бабками играли от скота, бабки да олёнки») [СРГК, 4, 196]. Сближение с формой женского имени при

номинации игральных костей поддерживается внутренней формой лексемы *бабка* как названия надкопытной кости лошади, коровы и других животных (из праслав. *babьka, уменьш. к *baba ‘бабушка, старушка’, ‘женщина, повивальная бабка, знахарка’ [РЭС, 1, 35]).

Особняком стоит *еленка* енис. ‘часть подошвы обуви между подметкой и каблуком’, новг. ‘выемка, выгиб на стопе’, пенз. ‘место изгиба стопы’ [СРНГ, 8, 340]. См. также по другим источникам:

— влг. (Белозерье) *еленка* ‘свод стопы’ («Утрось кольнуло аккурат в еленку, и топерь ступить больно»; «Нет еленки, так в армию не берут с плоской-то ногой»; «Святой шагнул с Кириллов на Мамуру, даже еленка видна на горе»); ‘часть обувной подошвы между подметкой и каблуком’ («Отец сапожничал, так говорил: еленку подбить надо»; «В еленках, говорят, подошва отскочила») [СГРС, 3, 314–315];

— дон. *еленка* ‘вогнутая часть колодки обуви от подошвы до каблука (в языке сапожников)’ («Еленка — выем. В чувячной колодке почти нет выема, в сапожной больше»), откуда *еленочник* ‘инструмент для отделки *еленки* — вогнутой части колодки обуви (в языке сапожников)’ («Еленочником отделяется *еленочная* часть, от каблука до переда») [СРДГ, 1, 146] (отдельной статьи на употребленное в контексте прил. *еленочный* в словаре нет).

Судя по примерам выше, онимы рассматриваемого личного имени в народных говорах, как правило, имеют форму без начального *j*- (что закономерно, поскольку именно *Алена* является народной формой имени). Обращает на себя внимание то, что название части обувной подошвы встречается в языке сапожников — отсюда термин и мог проникнуть в говоры. Согласно ГОСТ 23251-83 «Обувь. Термины и определения», *геленок* (недопустимо *супинатор*) — «промежуточная деталь низа обуви для формоустойчивости геленочной части низа обуви» (рис. 4–5), из нем. *Gelenk* ‘сустав, сочленение’, ‘сочленение, шарнир; кардан’ [БНРС, 1, 533].

Рис. 4. Детали обуви

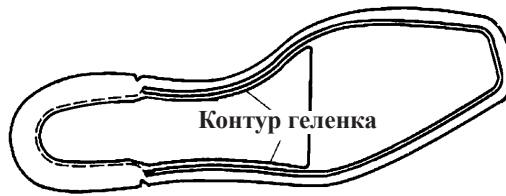

Рис. 5. Построение геленка
(из кн.: Лиокумович В. Х. Конструирование обуви.
М. : Легкая индустрия, 1975)

Еще один пример адаптации в говорах иноязычного по происхождению слова русского литературного языка — *ленка* ворон., тул., орл., дон., тамб., пенз., алт., новосиб. ‘узкая полоса из какой-либо ткани, лента’, ряз. ‘девичий головной убор в виде обруча с лентами сзади’, ‘полоса из позумента на женском головном уборе-чепце’ [СРНГ, 16, 353; СРГА, 3/1, 21; СРГС, 2, 205], новосиб. ‘резное украшение по карнизу деревянного дома’ [СРГС, 2, 205] — из *лента* [ИЭСРГА, 6, 71]. В данном случае сближение с формой личного имени не обязательно: переход *нт* > *нк*, скорее всего, произошел на диссимилятивной основе.

3. Выводы

Русские диалектизмы, входящие в онимо-апеллятивный комплекс имени *Елена*, дают примеры морфосемантического «симбиоза» имени собственного и имени нарицательного:

1) случайное звуковое сходство гетерогенных лексем, одной из которых является личное имя, вследствие действия каких-либо системно-языковых факторов: *ленка* ‘узкая полоса из какой-либо ткани, лента’ и под.;

2) апеллятивизация личного имени:

— в «чистом виде»: *алёнка*, *еленка* ‘комнатное растение *Vinca minor* L., барвинок малый’ (если принять версию о происхождении фитонима от торгового наименования какого-то сорта декоративного растения);

— при аттракции к созвучному нарицательному слову, благодаря чему происходит семантизация внутренней формы деантропонима: *не олёнку в пелёнках оставить* (рифма *олёнка* — *пелёнка* — это скорее сближение апеллятива с онимом, чем наоборот);

3) квазиапеллятивизация личного имени:

— сближение личного имени с нарицательным словом, случайно совпавшим с ним по своей форме, семантически мотивировано наличием соответствующей модели отантропонимической номинации, а само нарицательное слово может быть воспринято как деантропоним: *лена* ‘лентяйка’;

— при аттракции апеллятивной производящей основы к личному имени, что делает возможным создание нарицательного слова в виде точной копии имени: *алёна* ‘жук-рогач, *Lucanidae*’, *алёнка*, *олёнка* ‘майский жук, *Melolonta*’, ‘яблонная плодожорка, *Carposcapa pomonella*’; *алёнка*, *еленка* ‘барвинок малый, *Vinca minor L.*’ (если иметь в виду производность последнего от прил. *алый*, *аленький*);

4) квазионимизация нарицательной лексемы — ономастическая «мимикрия» апеллятива в данном случае выходит за рамки существующих моделей отантропонимической номинации и с этой точки зрения слабо мотивирована семантически: *лена* ‘каменистая отмель продолговатой формы’, ‘вода’; *олёнка* ‘похлебка из вареного картофеля с луком и растительным маслом’; *олёнки* ‘домашние туфли из оленьего меха’, ‘игральные кости (?)’; *еленка* ‘выемка, выгиб на стопе’, ‘место изгиба стопы’, ‘часть подошвы обуви между подметкой и каблуком’.

Обсуждаемые в статье примеры ономо-апеллятивного «симбиоза» разного типа распределяются по предметным сферам следующим образом (см. табл.). Этих примеров, конечно, недостаточно, чтобы судить о наличии зависимости между предметной сферой и тем или иным типом морфосемантического взаимодействия имени собственного и имени нарицательного, но некоторые выводы сделать все-таки можно.

Виды корреляций имени собственного и нарицательного в рамках морфосемантического поля

Предметные сферы	Омонимия	Апеллятивизация		Квазиапеллятивизация		Квази-онимизация
		в чистом виде	при аттракции	в рамках модели	при аттракции	
Человек			1	1		
Живая природа		(1)			1 (2)	
Неживая природа						2
Материальная культура	1					4

Омонимия личного имени и нарицательного слова, хотя и представлена только в двух предметных сферах, может встретиться в любой из них. Апеллятивизация естественным образом затрагивает сферу человека и живой природы, но, что существенно, здесь же имеет место и квазиапеллятивизация; соответственно, квазионимизация распространяется прежде всего на сферу неживой природы и предметного мира.

Выводы в общем-то очевидны, но лишний раз доказывают необходимость дифференцированного подхода при этимологическом (и этнолингвистическом) анализе нарицательной лексики, омонимичной личному имени.

Источники

- БНРС — *Лепинг Е. И., Филличева Н. И., Цвиллинг М. Я., Москальская О. И.* Большой немецко-русский словарь : в 3 т. М. : Рус. яз. — Медиа, 2004.
- БТСДК — *Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И., Проценко Б. Н., Сердюкова О. К. М.* : Рус. словари : Астрель : АСТ, 2003.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- НОС — Новгородский областной словарь : в 13 вып. / ред. В. П. Строгова. Великий Новгород : Изд-во Новг. пединститута ; Новг. гос. ун-т, 1992–2000.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Изд-во ВятГГУ, 1996–. Вып. 1–.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
- ПССГ — Полный словарь сибирского говора : в 4 т. / под ред. О. И. Блиновой. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1992–1995.
- СБГ — Словарь брянских говоров / под ред. В. И. Чагишевой, В. А. Козырева. Л. : ЛГПИ, 1976–. Вып. 1–.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой. Пермь : Кн. мир, 2000–2002.
- СРГА — Словарь русских говоров Алтая : в 4 т. / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993–1998.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. / сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова и др. СПб. : Наука, 2013.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964–1988.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров : в 3 т. / авт.-сост. З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная и др. Ростов н/Д : Изд-во Рост. гос. ун-та, 1975–1976.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Суперанская А. В.* Словарь народных форм русских имен. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983.

Исследования

- Березович Е. Л.* «Афанас, Афанас, провалился нынче в квас...» // Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. С. 518–551.

- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
- Варбот Ж. Ж. Пентюх* // Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. С. 568–571.
- Гридина Т. А.* Проблемы изучения народной этимологии : пособие к спецкурсу. Свердловск : Свердлов. пед. ин-т, 1989.
- Гридина Т. А., Ченьковский В.* Теория народной этимологии // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2004. № 2. С. 223–249.
- ИЭСРГА — Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред. Л. И. Шелеповой. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 1–.
- Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2009.
- Кривошапова Ю. А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2007.
- Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб. : Наука, 2003.
- Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Рус. яз. в науч. освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.
- Родионова И. В.* К изучению процессов аттракции с участием отантропонимических дериватов (на материале русских народных говоров) // Этимология. 2003–2005 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 2007. С. 197–209.
- РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукоп. памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Спиридонов Д. В.* К этнолингвистической характеристике имени *Жак* во французских диалектах // Вопр. ономастики. 2011. № 1 (10). С. 36–50.
- Толстая С. М.* К понятиям апеллативизации и онимизации // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сент. 2005 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 24–27.
- Феоктистова Л. А.* К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопр. ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116.
- Феоктистова Л. А.* К этимологии рус. диал. *тюха (да) матюха (-пантюха) да колупай с братом* и под. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 434. С. 61–69.

Рукопись поступила в редакцию 08.11.2018

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

алт.	алтайские	енис.	в бассейне р. Енисей
арх.	архангельские	забайк.	забайкальские
брян.	брянские	зап.	западные
бурят. рус.	в Республике Бурятия	калуж.	калужские
влг.	вологодские	карел. рус.	в Республике Карелия
ворон.	воронежские	костр.	костромские
вост.-сиб.	восточно-сибирские	курган.	курганские
вят.	вятские	курс.	курские
дон.	донские	мурм.	мурманские

нижегор.	нижегородские	ср.-обск.	среднеобские
новг.	новгородские	ср.-приоб.	среднеприобские
новосиб.	новосибирские	ср.-урал.	среднеуральские
оренб.	оренбургские	тамб.	тамбовские
орл.	орловские	твер.	тверские
пенз.	пензенские	тул.	тульские
перм.	пермские	урал.	в бассейне р. Урал
пск.	псковские	челяб.	челябинские
ряз.	рязанские	читин.	читинские
свердл.	свердловские	юж.	южные
сев.-рус.	севернорусские	юж.-урал.	южноуральские
сиб.	сибирские	яроsl.	ярославские
смол.	смоленские		
Прочие			
бран.	бранное	уменьш.	уменьшительное
искаж.	искаженное	шир. распр.	широкого распространения

***

Феоктистова Любовь Александровна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 306
E-mail: l.a.feoktistova@urfu.ru

Feoktistova, Lyubov Aleksandrovna
PhD, Associate Professor
Department of Russian Language
General Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., room 306,
620000 Ekaterinburg, Russia
E-mail: l.a.feoktistova@urfu.ru

Lyubov A. Feoktistova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

REVISITING THE PARONYMIC ATTRACTION TO A PERSONAL NAME: THE NAME *ELENA* IN RUSSIAN DIALECTS

The article focuses on Russian dialectal words, which are full homonyms of the name *Elena* or its derivatives (*Alyona*, *Alyonka*, *Elenka*, *Lena*, *Lenka*) included into the same morphosemantic field. Based on this lexical material, the author attempts to classify genetically different types of homonymy between proper names and common names, with the cases of mutual attraction between the derivatives of the name *Elena* and some unrelated common nouns given particular attention. Depending on the direction of morphonological attractions, it is proposed to distinguish the following types of correlations and interactions: 1) appellativisation (as such, and when attracted to a similar common noun); 2) personal name quasi-appellativisation

(in the case of accidental match with a common noun stem or attraction to it, but invariably under the corresponding deanthroponymic derivation pattern); 3) quasi-proprialisement of a common noun (arbitrary substitution of the original common noun with a phonetically approximate proper name). The analyzed material is distributed according to thematic spheres, which allows the author to substantiate the proposed etymology (underpinned by semantic parallels), as well as to contextually identify whether or not the paronymic attraction to a personal name depends on the lexical meaning of a common noun. The appellativisation model relates to the spheres of humans and wildlife, although the cases of quasi-appellativisation can be found here as well; consequently, quasi-proprialisement is common primarily for the spheres of inanimate nature and the material world.

Key words: anthroponym, personal name, personal name appellativisation, deanthroponym, deanthroponymic derivation pattern, quasi-appellativisation, quasi-proprialisement, paronymic attraction, morphosemantic field, folk etymology, Russian folk dialects.

Acknowledgements

The research was carried out as part of the project 34.2316.2017/4.6 *The Volga–Dvina Interfluvium and the Belozerye Area: History and Culture of Regions according to Linguistic Data* supported by the Russian Ministry of Education and Science.

- Anikin, A. E. (2007–). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary] (Vols. 1–). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Vocabulary in the Context of Slavic Languages: A Semantic-Motivational Reconstruction]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke.
- Feoktistova, L. A. (2016). K metodike analiza assotsiativno-derivatsionnoi semantiki lichnogo imeni [Towards a Methodology for the Analysis of Associative-Derivational Meaning of a Personal Name]. *Voprosy onomastiki*, 13(1), 85–116. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005
- Feoktistova, L. A. (2018). K etimologii rus. dial. *tiukha (da) matiukha (-pantiukha) da kolupai s bratom i pod.* [Towards the Etymology of Russian Dialectal *tiukha (da) matiukha (-pantiukha) da kolupai s bratom* and the like]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 434, 61–69. <http://doi.org/10.17223/15617793/434/7>
- Gridina, T. A. (1989). *Problemy izucheniia narodnoi etimologii* [Issues in Studying Russian Traditional Etymology]. Sverdlovsk: Sverd. ped. in-t.
- Gridina, T. A., & Cieńkowski, W. (2004). Teoriia narodnoi etimologii [A Theory of Traditional Etymology]. In T. A. Gridina (Ed.), *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti* [Psycholinguistic Aspects of Speech Studies] (Iss. 2, pp. 223–249). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta.
- Kolosova, V. B. (2009). *Leksika i simvolika slavianskoi narodnoi botaniki. Etnolingvisticheskii aspekt* [Vocabulary and Symbolism of the Slavic Traditional Botany. Ethnolinguistic Aspect]. Moscow: Indrik.
- Krivoshchapova, Iu. A. (2007). *Russkaia entomologicheskaja leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii* [Russian Entomological Vocabulary in the Ethnolinguistic Perspective] (doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Myznikov, S. A. (2003). *Russkie govory Obonezh'ia: areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia* [Russian Dialects of the Lake Onega Area: an Areal-Etymological Study of the Vocabulary of Finnic Origin]. Saint Petersburg: Nauka.

- Rodionova, I. V. (2005). Kharakterologicheskie nominatsii antroponimicheskogo proiskhozhdeniia v russkikh narodnykh govorakh [Characterological Nominations of Anthroponymic Origin in Russian Folk Dialects]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 159–189.
- Rodionova, I. V. (2007). K izucheniiu protsessov attraktsii s uchastiem otantroponimicheskikh derivatov (na materiale russkikh narodnykh govorov) [On Studying the Processes of Attraction Involving Anthroponymic Derivatives (on the Material of Russian Folk Dialects)]. In Zh. Zh. Varbot (Ed.), *Etimologiya. 2003–2005* (pp. 197–209). Moscow: Nauka.
- Shelepova, L. I. (Ed.). (2007–). *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkikh govorov Altaia* [Historical and Etymological Dictionary of Russian Dialects of Altai] (Vols. 1–). Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta.
- Spiridonov, D. V. (2011). K etnolingvisticheskoi kharakteristike imeni Zhak vo frantsuzskikh dialektakh [On the Ethnolinguistic Characteristics of the Name *Jacques* in French Dialects]. *Voprosy onomastiki*, 1, 36–50.
- Tolstaya, S. M. (2005). K poniatiiam apelliativizatsii i onimizatsii [On the Notions of Appellativisation and Onimisation]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Onomastika v krugu gumanitarnykh nauk: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 20–23 sent. 2005 g.)* [Onomastics within Humanities: Proceedings of the International Conference] (pp. 24–27). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Varbot, Zh. Zh. (2012). *Issledovaniia po russkoi i slavianskoi etimologii* [Studies in Russian and Slavic Etymology]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.

Received 8 November 2018